

ХЛОРОФИЛИЯ

Часть первая

1

— Очень хочется пить, — сказал Савелий.

— Держи. — Варвара протянула бутылку воды, обогащенной витамином А. — Утоли жажду жизни. Как тебе сегодня моя внешность?

— Я в восторге, — без восторга ответил Савелий. Он терпеть не мог интерактивный макияж.

— Разве я не сексуальная?

— Успокойся. Сексуальная.

Он прибавил ход и перестроился.

На тридцатом километре стебель рос совсем рядом с дорожным полотном — мощный, темно-зеленый, уходящий, казалось, прямо в центр неба. Варвара задрала голову и элегантно поежилась.

— Вблизи они выглядят просто ужасно. Чешуйчатые. Как будто из земли торчит змеиный хвост.

— А ты не разглядывай, — посоветовал Савелий. — И вообще близко не подходи. Примут за травоядную.

Варвара заметно обиделась и гордо выпятила грудь.

— Я что, похожа на травоядную?

— Нет. Но все равно.

— Говорят, она с каждым годом все выше. Трава.

— Да, — ответил Савелий. — Трава выше, тень гуще. Бледных все больше. Скоро мир рухнет. Останется только трава и те, кто живут выше сотого этажа. Китайцы и их подручные.

Варвара, невеста Савелия, никак не походила на травоядную женщину. Травоеды обоих полов — особенно если принадлежали к бледным слоям населения — всегда выглядели преувеличенно бодрыми. Они шутили и непрерывно пританцовывали, одевались небрежно и норовили создать очереди возле каждого дешевого уличного солярия. А Варвара, как и полагалось женщине с семьдесят пятого этажа,

была томная, даже немного вялая. Эта специальная анемичность, неверность движений, манера говорить негромко и лениво считалась среди молодежи верхних этажей особым шиком. В комплект достоинств Варвары входили также красивые сильные плечи и высокие грудки, упругостью сходные с теннисными мячиками.

«У меня полно времени, — подумал Савелий. — Не свернуть ли на обочину? Не использовать ли даму по прямому назначению? Красивая девушка, все при ней, в редакции завидуют...»

На подъезде к Юго-Западной скоростной эстакаде — как обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад — глазам Савелия открылась огромная, в полнеба, ярчайшая (невозможно отвести взгляд) и при этом удивительно ненавязчивая, спокойных коричневых и зеленых цветов, голографическая инсталляция: стройная женщина с приятным лицом, бесконечно делающая один и тот же мягкий жест рукой, а над ней, под ней, сквозь нее, вокруг нее проступал, словно из воздуха, словно бы из самого здешнего жизненного уклада, основной лозунг, который уже много лет как объединял обитателей Москвы:

ТЫ
НИКОМУ
НИЧЕГО
НЕ ДОЛЖЕН.

И как обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад — Савелий улыбнулся и ощутил легкость. Все просто. Напиши в небе огромными изумрудными буквами простую фразу из пяти слов — и народ будет счастлив.

Здесь тебя все любят и ничего не ждут взамен. Здесь ты никому ничего не должен.

Никто никому ничего не должен. Никто не обязан. Никто не согнут под бременем необходимости.

На перекрестке в заторе. К открытому по случаю теплого сентябрьского дня окну машины подбежал полуголый дилер, очень бледный, очень веселый, типичный травоед со стажем не менее чем в пять лет; грудь, спина и плечи сплошь покрыты давно вышедшими из моды трехмерными татуировками.

— Четвертая возгонка, — пробормотал он, улыбаясь.

— Уйди, — попросил Савелий.

— Недорого, — продолжал бледный поставщик радости. — Могу за наличные, могу по дружбе.

Савелий закрыл окно. «Кому нужна твоя дружба, убогий? Я — Савелий Герц, специальный корреспондент журнала “Самый-Самый”, моего расположения ищут тысячи людей».

— Лично я, — заметила Варвара, — вообще никогда не разговариваю с бледными.

— По-твоему, они не люди?

Тем временем дилер, ничуть не смутившись, клоунской походкой направился к следующему экипажу, по пути поправляя болтающийся на поясе глушитель полицейских сигналов.

«Четвертая возгонка, — подумал Савелий. — Какая гадость». Вся московская богема уже год как не опускается ниже седьмой. И вот-вот обещают восьмую. А на девяноста этажах, в царстве самых богатых, уже в ходу девятая, и эта девятая возгонка, по слухам, — что-то удивительное. Капсулы замаскированы под таблетки витамина А, одной дозы хватает на два дня, и использованы особые эффекты: ни при каких обстоятельствах ты не выглядишь травоедом. Не подпрыгиваешь от приливов энергии, не отпускаешь остроумные шуточки, не улыбаешься, не размахиваешь руками и трижды в день ешь обычную пищу, как добропорядочный гражданин. Но внутри себя — там, где твоя душа, в глубине «я», в голове, в сердце, — там тебе так хорошо, как никому никогда не было.

Еще говорят, что шеф Савелия и Варвары, издатель и главный редактор журнала «Самый-Самый», могущественный и отвратительный Пушкин-Рыльцев, безжалостный разрушитель чужих карьер, потомственный обитатель девяносто первого этажа, в три слоя покрытый натуральным шоколадным загаром, блестящий столетний ум, уже полгода сидит на девятой возгонке.

Но это слухи, распространяемые завистниками. Савелию точно известно, что старик не употребляет.

Тронулись. В зеркале Савелий успел увидеть, как дилер отпрыгнул на тротуар и растворился в толпе.

Корреспондент журнала «Самый-Самый» Савелий Герц проезжал через этот перекресток уже несколько лет. Утром и вечером один и тот же человек продавал тут мякоть травы — сначала вторую возгонку, потом третью, теперь у него есть и четвертая, а через год, надо думать, появится пятая.

«Почему его никогда не арестуют? Почему, — поражался Савелий, — я — профессиональный журналист, персоне, информированная донельзя, — не понимаю скрытых механизмов распространения главного зелья трех последних десятилетий? Почему в век тотального

контроля, когда объективы двадцати пяти конкурирующих друг с другом полиций простреливают каждый метр пространства, когда каждый смертный с младенчества имеет под кожей микрочипы, когда участники проекта “Соседи” сами с наслаждением контролируют собственную жизнь, — почему в то же самое время нищие бледные человечки, ничего и никого не опасаясь, на каждом углу готовы предложить тебе мякоть стебля в любых количествах? При том, что закон предусматривает десять лет тюрьмы за одну-единственную дозу?»

Ближе к центру Москвы трава пошла гуще. Находиться в тени было физически неприятно — Савелий прибавил ход.

Стебель рос на каждом свободном пятачке земли. Черно-зеленая чешуйчатая гадина двадцати пяти метров в поперечнике. И около трехсот метров высотой.

Стебли росли густо. Торжествующе покачивались на ветру. Отобрали все солнце. Заставили людей ощутить себя муравьями.

Савелий решил переключиться на что-нибудь более приятное и спросил:

— Как поживает твоя Маша?

— Кошмар, — тут же отозвалась Варвара, вчера просидевшая весь вечер в гостях у приятельницы; домой пришла после полуночи, пропахшая мартини и фруктовым кальянным дымом (сейчас Савелий с удовольствием понял, что она считает себя виноватой). — Эта авантюристка взяла пятизначный аванс за книгу «Как выйти замуж за сибирского китайца».

— Что же тут кошмарного?

Варвара засмеялась:

— А то, что она понятия не имеет, как выйти замуж за сибирского китайца. Позвонила одной случайной знакомой, которая замужем за миллионером, директором действительно китайского колхоза. Апельсиновым плантатором из Магадана. Попросила совета. А та говорит: дура, кто ж такие вещи рассказывает? И вообще, сказала, не звони сюда больше, потому что я теперь не Наташка Гаврилова, а Цзин Шу, что в переводе означает «тихая березка» или что-то в этом роде...

— Ну и пусть вернет аванс, — сказал Савелий.

— Ха. Он уже потрачен. А книга — анонсирована.

— Тогда пусть эта великая сочинительница прочтет пару путеводителей, биографию Мао Цзэдуна и брошюру «Конфуций для “чайников”». Перескажет своим языком, остальное досочинит.

Варвара помолчала немного и возразила:

— Все равно нужен какой-то минимум конкретики. Хотя бы два-три реальных совета.

— Зачем? — удивился Савелий. — Чтобы выйти замуж за китайца, надо выучить китайский язык. Это минимум четыре года упорного труда. А дуры, желающие выйти замуж за сибирского китайца, не способны к упорному труду. Потому что хотят выйти замуж за китайца, именно чтобы не трудиться. Замкнутый круг! Твоя Маша ничем не рискует. Покупатели ее книги изначально не способны воспользоваться ее советами.

— О, — сказала Варвара. — Ты гений. Я немедленно звоню.

— Учти, я потребую долю с гонорара.

— Не выйдет. Наша беллетристка за копейку удавится.

— Тогда, — сухо ответил Савелий, — пусть и думает сама. Пятизначные авансы брать умеет — значит, пора научиться и мозгами шевелить. Я гляжу, в последнее время писательниц многовато стало. В собаку кинешь — в писательницу попадешь.

Варвара посмотрела на него и спросила:

— А чего это ты так расшумелся?

— Того, — грустно ответил Савелий. — Чтобы написать роман, Гарри Годунов, если ты такого помнишь, специально переехал с шестидесятого этажа на пятый, в сырость и плесень, в самый дикий район, в болото. К конченным травоедам. И бесследно пропал.

— Чтоб бесследно пропасть среди конченных травоедов, — возразила Варвара, — много ума не надо.

Савелий усмехнулся. Спорить не хотелось, он не любил спорить. Тем более с подругой. Один жестокий хитрец сказал, что в споре рождается истина, — сколько миллионов часов провели, бесполезно сотрясая воздух, те, кто ему поверил?

Он повернул с проспекта. Впереди, меж слегка изогнутых зеленых столбов, появилась конечная цель поездки, место работы Савелия и Варвары — колоссальная пирамида ультрасовременного административно-жилого комплекса «Чкалов».

Савелий вздохнул и включил радио.

«...Премьер-министр отметил, что индекс экономического благополучия поднялся на четыре процентных пункта, и особо подчеркнул, что нет оснований ожидать в ближайшее время замедления темпов роста благосостояния граждан. Контроль над финансовыми поступлениями из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны будет усилен. “Идеология абсолютного процветания предус-

матривает непрерывную индексацию рентных платежей с учетом инфляции и цен на основные продукты потребления. Китайцы будут работать и платить, а мы будем тратить и наслаждаться” — так премьер закончил свою речь. Выступление неоднократно прерывалось овациями... К другим новостям. Сегодня утром возле здания Министерства экономики состоялась мирная демонстрация сторонников освоения периферийных территорий. Собравшиеся — около двадцати человек — потребовали выделения средств и организации исследовательских экспедиций в Тверскую и Ивановскую области. Лидер собравшихся, известный популист Иван Европов, заявил, что ситуация, при которой все население России, страны с самой большой в мире территорией, сосредоточено в одной только Москве, является абсурдной. Митинг сторонников господина Европова продолжался около часа и закончился стихийным банкетом... О культуре. В проекте “Соседи” продолжается беспрецедентный рост рейтинга популярности семьи Валяевых. Напомним, что Анастасия Валяева заявила сразу пятерым соискателям ее руки о своем согласии на замужество, причем двое из пятерых — отец и сын Гришко. В связи с этим рейтинг трансляций из апартаментов семьи Гришко также резко вырос. Как известно, лидером топ-листа по-прежнему остается семья Блоховатовых, где вчера состоялся крупный скандал по поводу раздела сумм, поступающих от спонсоров проекта. За трансляцией событий наблюдала аудитория в двадцать пять и семь десятых миллиона человек. Криминальная сводка. В Юго-Восточном округе Москвы вчера ночью группа злоумышленников пыталась произвести незаконную вырубку сразу четырех дикорастущих стеблей. Органами правопорядка задержано более ста участников акции, изъято и уничтожено семьдесят тонн субстанции, известной как “мякоть стебля”...»

Савелий поймал себя на том, что иронически кривит губы. Чепуха, а не новости. В наши времена процветают все, кроме журналистов. О чем писать? Об очередной эскападе этого болвана Европова? Если его так беспокоит периферия, Ивановская область или как там ее, — пусть сам едет в дикие дебри, лично исследует безлюдные пространства и заброшенные города, где некому жить и где уже полвека хозяйничают медведи и волки.

Впрочем, гражданский гнев профессионального журналиста Герца быстро угас. Не было желания гневаться в такой приятный день.

«Иногда, — подумал Савелий, — моя работа вступает в противоречие с содержанием моей жизни. Я очень люблю свою работу и терпеть не могу новости».

Автостоянкой на двадцать втором этаже дома «Чкалов» пользовались только те, кто в этом доме работал. Сейчас паркинг был почти пуст. Никто в Москве не работал до полудня. Только китайцы. Но у них имелись свои отдельные автостоянки.

У них имелись свои отдельные лифты, рестораны, увеселительные заведения, свои прачечные и зубоврачебные кабинеты. Только самые богатые выходцы из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны могли себе позволить жить в Москве, и эти миллиардеры жили не просто отдельно, но выше всех, на сотых этажах, в пентхаусах с полями для гольфа и вертолетными площадками. Почти все высотные дома в гиперполисе строились китайскими компаниями, из китайского железобетона и на китайские деньги. Даже самым оголтелым местным патриотам приходилось мириться с тем, что малочисленная китайская диаспора забирает себе лучшие места.

Савелий не считал себя оголтелым патриотом, он не любил завидовать и злобствовать, ему было все равно, где и как живут богатые китайцы. Он закрыл машину, подмигнул милиционеру объективу, взял Варвару за руку и пошел к лифтам.

По мере подъема из полутемного ущелья, где царствовали въевшиеся во все горизонтальные и вертикальные поверхности нездоровые запахи стоячей воды и горелой электроизоляции, по мере продвижения наверх, к солнцу и свету, Савелий стал переживать сначала бодрость, потом легкую, на пределе чувствительности, эйфорию, а затем и почти восторг. Хорошо было возноситься к небесам — туда, где лазурь и облака, — в бесшумном скоростном механизме. Хорошо было наблюдать подмигивание кнопок, подсвеченных нежно-сиреневым. Хорошо было впитывать льющуюся с потолка тихую музыку, немного сладковатую, но, в общем, изящно придуманную и жизнеутверждающую. И совсем здорово было вдыхать запах стоящей рядом, вполоборота, здоровой молодой женщины — при том, что женщина считалась его, Савелия, невестой, любила его прямой и веселой любовью, и если бы сейчас он, предположим, с наигранно-серьезным выражением лица ухватил ее за попку или даже (а что тут такого, черт побери?) запустил ладонь в ее штаны, оттянув ремешок из кожи пиджачка, и поигрался пальцами в самых интересных местах, то женщина поощрила бы его покачиванием стана, смеживанием век и благодарной улыбкой.

— На шестидесятом этаже, — тихо произнес он, — есть новый экспресс-отель. Альковы с голосовым управлением. Давай забежим на полчасака.

— Нам не хватит полчасака, — возразила Варвара, и Савелий понял, что она размышляет о том же.

«Вдвоем думать одну и ту же мысль — это замечательно», — восхитился про себя корреспондент журнала «Самый-Самый».

— Мне — хватит. — Савелий улыбнулся.

— А мне — нет. Можем опоздать. Старик будет ругаться.

— На то он и старик.

Варвара вздохнула.

— Лучше потерпеть. Предлагаю просто зайти куда-нибудь и выпить.

На семьдесят седьмом, на уступе, они зашли в кафе, обожаемое снобами из окрестных офисов (в основном адвокатских бюро и резиденций крупных продюсеров). Тут обслуживали живые официанты и открывался неплохой вид на город: стебли, у самой земли мощные, покрытые наполовину омертвевшей чешуей, здесь, на высоте двухсот пятидесяти метров, гнулись под ветром и собственным весом, мерно покачивались, и Савелий, задрав голову, увидел их глянцево отсвечивающие ярко-зеленые верхушки. На семидесятых уровнях уже можно было жить, тут сквозь зеленый частокол пробивались горячие солнечные лучи. У самой ограды, над пропастью, полуразвалиясь, бездельничали завсегдагаи, отхлебывая воду «Байкал дабл-премиум» и наблюдая из-под руки за появлением и исчезновением в небе голографических реклам, обещающих по сходной цене все мыслимые и немыслимые наслаждения, начиная от подключения к проекту «Соседи» и заканчивая специальным предложением: два китайских «бентли» по цене одного, только в этом месяце и только для членов Партии Абсолютного Процветания.

Савелий подвинул спутнице кресло, сел сам, попросил свежее-жатого сока — дыня с апельсином (плюс особый тоник по специальному рецепту бармена, ингредиенты держатся в секрете), вытянул ноги, чтобы всем — а главное, ему самому — были видны его новые, удобно облегающие ступни туфли, зажмурился от удовольствия (небо, ветер, полдень, XXII век) и позвал:

— Варвара.

— Что?

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже. Только подвинься немного. Ты загораживаешь мне солнце.

— Слушай, — Савелий выполнил просьбу, — ты ведь писала диплом по русской литературе XX столетия.

— Это было давно.

— Помнишь выражение «лакировка действительности»?

— Смутно.

Савелий помолчал и выдал:

— А я его вижу.

— Что именно?

— Лак.

— Я тебя понимаю, — кивнула умная Варвара.

— Мне кажется, — Савелий сменил удобную позу на еще более удобную, — что все вокруг переливается.

— Ты просто выспался и отдохнул.

— Да. Смотри, какой смешной мальчишка.

— Не смешной, а модный. В этом сезоне все опять носят оранжевое и фиолетовое.

— А что носили в прошлом?

— Желтое и белое.

— А в позапрошлом?

— Лиловое. И трехмерные татуировки.

Герц тут же вспомнил чумазого дилера, давеча предлагавшего на перекрестке запрещенную дрянь, и ощутил угрозу личному психологическому комфорту.

«Надо реже бывать внизу, — решил он. — И ездить на работу, как все нормальные трудящиеся, по платным эстакадам на высоте двадцать пятого уровня. Дороговато, зато ты избавлен от необходимости наблюдать своих бледных соотечественников, обожравшихся мякоти, хихикающих, грязных, а главное, весьма многочисленных. Да, удручает не их вид, а именно количество. Причем бледных все больше. Это заметно всякому внимательному человеку...»

— Отличный день. — Он опять улыбнулся Варваре, снова перенастраивая себя на получение удовольствия. — У меня появилось вдохновение. Предлагаю выпить по бокалу шампанского. И пойдем. Сегодня нельзя опаздывать.

— Шампанское? — задумчиво протянула невеста. — В полдень? В понедельник? Нет. Мне воспитание не позволяет.

— Как хочешь. — Савелий встал, оттолкнувшись ладонями от подлокотников и успев отметить силу своих мышц-разгибателей. Прекрасные мышцы-разгибатели, прекрасное кресло, прекрасное утро.